

НАУЧНЫЙ ЦЕНТР «АЭТЕРНА»

**РОЛЬ ПРАВОВОЙ НАУКИ
В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА**

**Сборник статей
Международной научно-практической конференции
30 июня 2014 г.**

**Уфа
АЭТЕРНА
2014**

УДК 00(082)
ББК 65.26
Р 33

Ответственный редактор:
Сукиасян А.А., к.э.н., ст. преп.;

Р 33 РОЛЬ ПРАВОВОЙ НАУКИ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА: сборник статей Международной научно- практической конференции (30 июня 2014 г, г. Уфа). - Уфа: Аэтерна, 2014. – 30 с.
ISBN 978-5-906763-51-8

Настоящий сборник составлен по материалам Международной научно-практической конференции «РОЛЬ ПРАВОВОЙ НАУКИ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА », состоявшейся 30 июня 2014 г. в г. Уфа.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а так же за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 00(082)
ББК 65.26

ISBN 978-5-906763-51-8

© Коллектив авторов, 2014
© ООО «Аэтерна», 2014

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ПРОВЕДЕНИЯ АЗАРТНЫХ ИГР

Введение в уголовный кодекс России ст. 171.2, предусматривающей ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр, позволило значительно расширить возможности правоохранительных органов по борьбе с нелегальным игорным бизнесом. Не смотря на это, у работников правоохранительных органов продолжают возникать вопросы, связанные с реализацией их полномочий в области противодействия незаконным проявлениям предпринимательской деятельности данного вида [1, с. 4].

Наиболее распространенные на практике формы совершения рассматриваемого преступления: организация и проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны и с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Организацией азартных игр следует признавать комплекс мероприятий, конечным результатом которых является создание условий для заключения основанных на риске соглашений о выигрыше с неопределенным кругом участников по установленным правилам. Проведение азартных игр – это осуществление действий по заключению и исполнению условий основанных на риске соглашений о выигрыше с неопределенным кругом участников по установленным правилам [2, с. 69].

Игровым оборудованием признаются устройства или приспособления, используемые для проведения азартных игр. К таковым законодателем отнесены игровой стол и игровой автомат [3]. Игорной зоной считается часть территории Российской Федерации, которая предназначена для осуществления деятельности по организации и проведению азартных игр и границы которой установлены в соответствии с Федеральным законодательством [3].

В настоящее время на территории России существует четыре игорных зоны – «Приморье» – в Приморском крае; «Сибирская монета» – в Алтайском крае; «Янтарная» – в Калининградской области; «Азов-сити» – в Краснодарском крае. В апреле 2014 года Президент России В.В. Путин внес на обсуждение в Государственную Думу РФ законопроект о создании на территории Республики Крым пятой игорной зоны [4].

Законодательной дефиниции «Интернет» не выработано. Однако, «Интернет» представляет собой разновидность информационно-телекоммуникационной сети, в связи с чем, законодатель излишне конкретизировал указанный вид сети в диспозиции ст. 171.2 УК РФ [5, с. 257].

При установлении признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ наибольшие сложности на практике вызывает установление принадлежности оборудования, с помощью которого проводились азартные игры, к игровому. С этой целью следователями назначаются и проводятся специальные исследования и экспертизы [1, с. 65].

Особую сложность при квалификации действий лиц по ст. 171.2 УК РФ вызывает установление размера дохода, полученного в результате незаконной игровой деятельности. Зачастую выяснить сумму полученной прибыли от противозаконного бизнеса проблематично в виду отсутствия финансовой документации, подтверждающей ведение нелегальных азартных игр, и ежедневным обнулением показаний счетчиков денежных средств, установленных в игровом оборудовании. В результате лица, фактически совершившие преступления, остаются безнаказанными и, в лучшем случае, привлекаются лишь к административной ответственности [6, с. 281].

Указанная выше проблема приводит к необходимости внесения изменений в диспозицию действующей ст. 171.2 УК РФ. Некоторые авторы предлагают исключить из диспозиции признак извлечения дохода в крупном размере [7]. Однако, данная мера приведет к излишней репрессивности ст. 171.2 УК РФ, поскольку меры государственного порицания будут применяться даже и в случае единичного факта организации или проведения азартных игр, вне зависимости от периода деятельности игорного заведения и размера полученного незаконного дохода, что вряд ли будет соответствовать тому уровню общественной опасности, за которое целесообразно привлечение к уголовной ответственности.

Снижение размера незаконного дохода, при извлечении которого возможно привлечение к уголовной ответственности, также не будет способствовать устранению сложностей правоприменения и приведет лишь к более изощренным способам конспирации незаконной игровой деятельности.

С целью решения данной проблемы рядом авторов предлагается включить в основной состав ст. 171.2 УК РФ в качестве альтернативного признака объективной стороны положений об административной преюдиции [8]. Данная мера позволит правоохранительным органам более эффективно противодействовать незаконному игорному бизнесу и приведет к усилению превентивной роли уголовного законодательства, вытекающей из осознания лицом, подвергнутым административному наказанию, возможности привлечения к уголовной ответственности за повторное совершение аналогичного деяния [6, с. 281].

Сложно согласиться с мнением авторов, предлагающих установление уголовной ответственности юридических лиц за совершение преступлений [9], в том числе за незаконные организацию и проведение азартных игр [10], поскольку действующий уголовный закон связывает ответственность со способностью лица, совершившего преступление, отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, каковой обладают лишь люди. Установление уголовной ответственности юридических лиц противоречит фундаментальным принципам личной и виновной ответственности, а также основным понятиям уголовного права [11, с. 204].

Таким образом, в настоящее время с целью активизации деятельности правоохранительных органов по противодействию незаконному игорному бизнесу, наряду с другими, необходимо предпринимать меры по совершенствованию действующего уголовного законодательства. Кроме того, повышенная опасность лудомании для здоровья населения заставляет задуматься о необходимости криминализации деяний, связанных с вовлечением в азартные игры [12, с. 32].

Список использованной литературы:

1. Квалификация незаконной игровой деятельности: учебное пособие / А.А. Лихолетов, Е.Г. Кравец, С.Л. Никонович [и др.]; под ред. М.В. Кардашевской. – Тамбов – Липецк: Изд-во Першина Р.В., 2014. – 87 с.

2. Лихолетов А.А. Объективная сторона организации и проведения азартных игр с использованием игрового оборудования вне игровой зоны // Вестник Волгоградской академии МВД России. Выпуск 4 (23) 2012 : научно-методический журнал. – Волгоград : ВА МВД России, 2012. С. 67-72.

3. Федеральный закон № 244-ФЗ от 29.12.2006 г. «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: [http:// base.garant.ru/12151291/1/#100](http://base.garant.ru/12151291/1/#100) (дата обращения 27.05.2014).

4. Президент внес в Госдуму законопроект о создании в Крыму игровой зоны. [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.rg.ru/2014/04/21/ kazino-anons.html](http://www.rg.ru/2014/04/21/kazino-anons.html) (дата обращения 27.05.2014).

5. Лихолетов А.А. Объективная сторона организации и проведения азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, а также средств связи, в том числе подвижной связи // Актуальные проблемы предварительного расследования : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., г. Волгоград, 28-29 ноября 2013 г. – Волгоград : ВА МВД России, 2013. – Т. 1. С. 254 – 262.

6. Лихолетов А.А. Преступления в сфере игорного бизнеса: проблемы квалификации и совершенствования законодательства // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – Волгоград, 2013. № 2 (23). С. 280 – 284.

7. См., напр.: Соловьев И.Н. Игорный бизнес [Электронный ресурс]. URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20121213/265762180.html (дата обращения 16.04.2014); Артеменко Н.В., Шимбарева Н.Г. Об эффективности уголовной ответственности за незаконный игорный бизнес // Terra Economicus. 2013. Т. 11. № 1 – 2. С. 147.

8. См., напр.: Лихолетов А.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия незаконному игорному бизнесу : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 20; Иванчин А.В. О совершенствовании уголовно-правовых и иноотраслевых средств борьбы с незаконной организацией азартных игр в России // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 43.

9. См., напр.: Егорова Н. А. Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц (оценка одного законопроекта) // Научный вестник ВАГС. 2011. № 2. С. 61–65.

10. См., напр.: Лихолетов А.А. Субъект преступлений, совершаемых в сфере игорного бизнеса: реальность и перспективы // Новое в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве: основные тенденции и перспективы совершенствования : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 45-летию со дня образования Волгоградской академии МВД России, Волгоград, 31 мая – 1 июня 2012 г. – Волгоград : ВА МВД России, 2013. С. 270-278.

11. Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Учебное пособие. – М.: Юрлитинформ, 2009. С. 204. – 248 с.

12. Лихолетов А.А. О вреде игромании для здоровья населения и общественной нравственности // Materiály X mezinárodní vědecko – praktická konference «Věda a technologie: krok do budoucnosti – 2014». – Díl 13. Právni vědy. Historie.: Praha. Publishing House «Education and Science». С. 29 -32.

© Д.В. Васильев, 2014

И.П. Долгих

Заместитель начальника кафедры административного
права и административной деятельности ОВД
ВИ МВД России (г. Воронеж, Российская Федерация)

С.В. Ивакин

Преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
ВИ МВД России (г. Воронеж, Российская Федерация)

А.Ф. Быстринцев

Преподаватель кафедры
тактико-специальной подготовки
ВИ МВД России (г. Воронеж, Российская Федерация)

ДОСТАВЛЕНИЕ КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Одной из важнейших задач правоохранительных органов в Российской Федерации является реализация мер административного принуждения, направленных на обеспечение законности, прав и свобод граждан, общественного порядка и безопасности. Особое место в перечне названных мер принадлежит мерам обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, содержащимся в главе 27 КоАП РФ. Связано это, в первую очередь, с их организационным потенциалом, который позволяет незамедлительно реагировать на возникающие в процессе совершения административных правонарушений общественные отношения [1].

К наиболее распространенным мерам обеспечения производства, применяемым сотрудниками МВД России, относится доставление, суть которого состоит в административном ограничении конституционного права граждан на свободу передвижения и принудительном их препровождении в специальное помещение (служебное помещение полиции, помещение органа местного самоуправления сельского поселения и т.п.). Отечественные административисты в юридической литературе неоднократно поднимали проблемы правового регулирования данной меры, однако их злободневность по-прежнему очевидна и требует скорейшей оптимизации всех процессуальных вопросов, сопряженных с доставлением. Остановимся лишь на некоторых из них.

Федеральным законом от 11.07.2011 г. №198-ФЗ [2] в статью 27.2 КоАП РФ были внесены изменения, в соответствии с которыми доставление как мера обеспечения производства по административным делам может быть осуществлено не только в отношении физического лица, но и в отношении орудий совершения правонарушения (например, морского или речного судна). По нашему мнению, законодатель, конструируя соответствующую норму, был непоследовательным, отождествив меры, применяемые к живому человеку, с действиями, совершаемыми с неодушевленными предметами. В то же время, административному задержанию физического лица, транспортного средства и судна в КоАП РФ посвящены самостоятельные статьи (27.3-27.6, 27.13 и 27.13.1 соответственно). Кроме того, Кодексом не детализирован круг физических лиц, к которым доставление может применяться.

На практике доставление как мера обеспечения производства по административным делам зачастую сопровождается неповиновением лица, в отношении которого данная мера применяется. Для преодоления противодействия законным требованиям должностного лица, осуществляющего доставление, отечественное законодательство предусматривает возможность применения последним физической силы [3]. Тем не менее, сам основной нормативно-правовой акт, регулирующий вопросы административной ответственности в стране, таких норм не содержит, что, как нам кажется, является существенным пробелом в отечественном административно-деликтном законодательстве.

Цель доставления – составление протокола об административном правонарушении при отсутствии возможности его составления на месте совершения правонарушения. Однако законодатель не конкретизирует обстоятельства, которые могут воспрепятствовать составлению протокола, что при определенных условиях может привести к различного рода злоупотреблениям со стороны должностных лиц, осуществляющих производство по административному делу. Не регламентированы законом и временные рамки доставления.

К весьма серьезным недостаткам нормативного закрепления рассматриваемой меры обеспечения производства по административным делам следует отнести отсутствие в КоАП РФ указания на обязательное составление компетентным должностным лицом соответствующего протокола. В отличие от административного задержания, которое имеет четко определенные Кодексом форму и порядок документирования, доставление характеризуется вариативностью процессуального оформления. При этом либо составляется самостоятельный протокол о доставлении (единая форма которого законодательно не определена), либо о доставлении делается соответствующая запись в протоколе об административном задержании или (что на практике встречается гораздо реже) в протоколе об административном правонарушении.

И последнее. Общий порядок доставления граждан в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции в настоящее время определен пунктом 13 части 1 статьи 13 Федерального закона от 07.02.2011 г. №3-ФЗ «О полиции». Изучение текста данного закона позволяет выделить четыре группы случаев доставления граждан:

1. Для решения вопроса о задержании гражданина в административном, уголовно-процессуальном или ином предусмотренном законом порядке.
2. Для установления личности гражданина, если имеются основания полагать, что он находится в розыске.
3. Для защиты гражданина от непосредственной угрозы его жизни и здоровью, если он не способен позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом.
4. В иных случаях.

Поскольку доставление как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях имеет весьма существенные процессуальные отличия от доставлений, осуществляемых при других обстоятельствах, нам видится вполне обоснованным именовать данную меру «административным доставлением».

Перечисленные нами факты красноречиво свидетельствуют о необходимости оптимизации действующего административно-деликтного законодательства в части более детальной регламентации доставления как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. При этом реформирование существующих юридических норм должно происходить с учетом осознания главной цели правового регулирования – приведение общественных отношений в такое состояние, при котором

права и свободы человека представляются высшей ценностью, признаваемой и защищаемой государством и гражданским обществом.

Список использованной литературы:

1. Помогалова Ю.В. Административное задержание, доставление и привод в системе мер административного принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004.

2. Федеральный закон от 11.07.2011 N 198-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» / [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: www.base.consultant.ru (дата обращения: 20.06.2014).

3. См., например, ст. 20 Федерального закона от 07.02.2011 г. №3-ФЗ «О полиции» / [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: www.base.consultant.ru (дата обращения: 20.06.2014).

© И.П. Долгих, С.В. Ивакин, А.Ф. Быстрянец, 2014.

УДК 355.357

П.Г. Зверев

Преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России
кандидат юридических наук
г. Калининград, Российская Федерация

ВНУТРЕННИЕ ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Устойчивый мир требует создания или восстановления таких условий, как уважение прав человека, справедливость, социальная гармония и экономическое благополучие, но достижение всех этих целей, очевидно, является долгим и трудным процессом. Обеспечение более высоких динамических аспектов мира, прежде чем будут гарантированы законность и правопорядок, представляется непростой задачей.

В разрушенных государствах система управления фактически не функционирует, а верховенство закона отсутствует. Возникает размытость между понятиями «преступность» и «война», появляется состояние «не войны и не преступности», которое и характеризует большинство современных чрезвычайных ситуаций. Маловероятно, что международные силы столкнутся с регулярными национальными армиями, равно как и с типичными преступными группировками, противодействие которым оказывает полиция. Скорее всего, им придется иметь дело с вооруженными группами, представляющими негосударственные сообщества, такие как кланы, местные ополчения, силы наемников, частные армии, партизанские движения, корпорации, нарко- и иные картели. Конфликты последних десятилетий во всем мире показали, что довольно часто бывшие полевые командиры становятся магнатами и политическими деятелями. В то время как войны, блокады и чрезвычайные ситуации оказывают разрушительное воздействие на большую часть населения, эти субъекты готовят почву для определенных видов экономической деятельности, оказывающихся особенно эффективными в условиях отсутствия порядка. Люди, получающие пользу от такой деятельности, разумеется, не видят

выгоды в оказании помощи по восстановлению эффективного общественного контроля. По этой причине полевые командиры зачастую становятся помехой для процессов мирного урегулирования.

В некоторых ситуациях государства-члены по разным причинам не могут или не хотят направлять свои контингенты для того, чтобы ООН имела возможность дислоцировать надежные миротворческие силы в нестабильном регионе. Тогда Организация вправе санкционировать для противодействия военным преступлениям против гражданского населения и геноциду региональную организацию или соглашение, а также добровольную коалицию государств под руководством ведущей державы.

Выступавшие на семинаре в Нью-Дели отмечали, что согласие, как правило, требуется для проведения миротворческой операции, в случаях геноцида или преступлений против человечности может и не достигаться и не соблюдаться на практике как абсолютный критерий для развертывания международной операции. Участники Стокгольмского семинара, развивая эту идею, высказались в том плане, что вопрос о согласии должен разрешаться в каждой конкретной ситуации (ad hoc). К примеру, если военная угроза, возникшая вследствие нежелания сторон сотрудничать, ограничена масштабами локального сопротивления, бандитизма и мародерства, а основные стороны конфликта по-прежнему привержены положениям соглашения, миротворческие силы вполне могут быть уполномочены на противостояние такой военной угрозе. Речь идет об определенном типе «полицейских функций», которые следует четко отграничивать от принудительных действий и которые на стратегическом уровне не оставляют места согласию основных сторон конфликта, включая в себя военные операции, нацеленные на силовое решение проблемы. Если же согласия более не существует как независимой переменной или определяющей отличительной черты многоаспектных операций в пользу мира, преобладающий в настоящее время доктринальный подход к принуждению к миру, очевидно, несовершенен и нуждается в срочном пересмотре. Понятие «полицейских функций» предполагает в качестве отправной точки для концептуализации операций в пользу мира фокусировку на подходе, основанном на законе [1].

Операции в пользу мира требуют «всеобъемлющих и долгосрочных решений», основанных на сложной и многоуровневой доктрине. Задача выработки такого всеобъемлющего документа является сложной не только для одной страны, но и для группы государств. Но если доктрина фокусируется на нескольких базовых принципах, консенсус может быть достигнут и на его основе будет выработано руководство для миротворческой деятельности.

Опыт прошлого показывает, что если внутренним вызовам безопасности не уделяется достаточное внимание на ранних стадиях, усилия, направленные на постконфликтное урегулирование, могут оказаться напрасными. Любая гражданская война неизбежно порождает организованную преступность, кровную месть, неконтролируемое распространение оружия, грабежи и кражи. Гражданские полицейские ООН, дислоцированные наряду с военными миротворцами для оказания помощи в восстановлении национальных правоохранительных органов, зачастую оказываются неготовыми к решению проблем правоохранительной деятельности в рамках «не войны и не преступности», поэтому единственным эффективным инструментом остается военный компонент. При рассмотрении мира как антитезы войне такая реальность фактически размывается, и военные (рассматриваемые как «поставщики войны») обладают уникальной возможностью для создания стабильности и безопасности посредством «принуждения к миру», вместо правоохранительной деятельности. Подобные представления о положении вещей меняются очень медленно.

Список использованной литературы:

1. *Berdal M. Armies in International Peacekeeping*, Paper presented at a conference on taking the South African Army into the Future, ISS/S.A. Army, Pretoria, 15th November 1993.

© П.Г. Зверев, 2014

УДК 355.357

П.Г. Зверев

Преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России
кандидат юридических наук
г. Калининград, Российская Федерация

СОТРУДНИЧЕСТВО ГРАЖДАНСКОЙ ПОЛИЦИИ ООН С ИНЫМИ СУБЪЕКТАМИ МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На прошедшем в 1998 г. международном семинаре в Аммане (Иордания) была подчеркнута важность участия гражданской полиции ООН в оперативном планировании миротворческой операции, уже на стадии разработки концепции ее мандата. Являясь компонентом современных многоаспектных миротворческих миссий, гражданская полиция ООН (UNCIVPOL) самостоятельно определяет свое количество, а также время и способ прибытия полицейских контингентов в зону проведения операции. Однако, учитывая проблему поиска доступного и квалифицированного полицейского персонала, это, скорее, вопрос «возможности», чем «обязанности». Полицейские управления государств-членов должны контактировать между собой в целях облегчения подбора персонала и скорейшего его направления в распоряжение международной организации для дислоцирования в зоне проведения операции. Вот уже более 10 лет, начиная с 2001 г., Подразделение гражданской полиции Департамента операций по поддержанию мира ООН (ДОПМ) активно участвует в процедурах планирования новых мандатов и внесения изменений в уже действующие.

В идеале миротворцы должны прибывать до того, как кризис станет острым, чтобы предотвратить его трансформацию в вооруженный конфликт. Гражданская полиция может принести наибольшую пользу до и после конфликта и, возможно, также в период конфликта низкой интенсивности, но никак не во время полномасштабной войны [2].

В ходе семинара в Карлайле (США) тогдашний глава Подразделения гражданской полиции ДОПМ ООН говорил о том, что поскольку данный компонент не способен развертываться так же быстро, как военный, вполне может возникнуть необходимость в сегменте военной полиции, которая поможет военным пехотинцам соблюдать закон и порядок и приступит к осуществлению правоохранительной деятельности незамедлительно, не дожидаясь прибытия гражданской полиции ООН. Такая мера может приниматься в экстренных ситуациях, что еще больше подчеркивает необходимость присутствия гражданской полиции в районе кризиса. В свое время глава Подразделения гражданской полиции ДОПМ ООН указал на то, что для выполнения специальными подразделениями полиции (FPU) [1] традиционных полицейских функций им потребуется исполнительный мандат (*executive mandate*). Опыт миссии в Косово показывает, что военные подразделения могут играть важную и даже решающую роль в обеспечении общей безопасности. Использование оперативно развертываемых специальных

подразделений полиции на стадии запуска миссии облегчит полицейскую операцию в самый ответственный период ее проведения.

На семинаре в Стокгольме (Швеция) высказывалось предположение о том, что наиболее сложным вызовом многонационального миротворчества являются различия не национальных культур, а уровней профессионализма, поскольку именно они создают гораздо более прочные барьеры, нежели те, которые основаны на географическом происхождении. В то же время было отмечено, что отношения между гражданской полицией ООН и военными миротворцами традиционно складываются неплохо именно потому, что полицейские, как и военные, носят униформу, организованы схожим образом и признают, в целом, похожую систему ценностей. Для военного и гражданского компонентов операций в пользу мира крайне важно преодоление профессиональных барьеров и сотрудничество друг с другом. В том случае, если гражданские полицейские не носят оружия, на военных может быть возложена ответственность за охрану полиции. Так, например, в Боснии и Герцеговине, когда патруль гражданской полиции ООН двигался по дороге с риском подвергнуться нападению, военный патруль обязательно сопровождал его. В то же время существует опасность чрезмерной опеки, которую тоже не стоит игнорировать. Слишком большое количество военнослужащих может значительно осложнить возможности гражданской полиции ООН в деле обретения необходимого доверия со стороны местного населения. Опыт миссии в Косово показал, что военные и полиция могут сотрудничать более тесно и эффективно, когда они разрабатывают совместную концепцию операций. Такой опыт подлежит тщательному анализу в целях дальнейшего заимствования при разработке концепций будущих операций в пользу мира. Еще одна область, в которой военные и полиция должны развивать более тесное сотрудничество, – это обмен оперативной информацией. Каждый компонент имеет свои собственные, уникальные источники информации, однако расположение центров планирования операций в непосредственной близости друг от друга в штаб-квартире миссии может оказаться крайне полезным в тех случаях, когда ухудшаются местный правопорядок и законность. В таких условиях практика гражданской полиции ООН открывать офисы в местных полицейских участках и проживать среди местного населения также может оказаться полезной для военных, сводя к минимуму риск возможных недоразумений. Две исполнительные полицейские миссии МООНК (UNMIK, 1999) и ВАООНВТ (UNTAET, 1999-2002) организовали совместные центры планирования операций, в результате чего им удалось добиться тесного сотрудничества и достичь высоких положительных результатов. Безусловно, такого рода примеры должны поощряться и в будущем. В то же время по мере развертывания операции в пользу мира взаимоотношения между военными и гражданской полицией ООН могут меняться и приобретать довольно деликатный характер. Таким образом, имеется определенный смысл в демонстрации местному сообществу причин, по которым необходимо сохранять дистанцию между военными и полицейскими.

Для гражданской полиции важно сотрудничать не только с военными, но также с элементами гражданского общества, политическими, правозащитными, гуманитарными организациями и организациями по развитию, правительственными структурами и неправительственными организациями. Большинство из них, как правило, начинают работать в зоне миротворческой миссии задолго до дислоцирования там гражданских полицейских ООН (иногда – на протяжении нескольких лет). Часто они обладают обширными знаниями о местности и местном сообществе и могут быть источником полезной информации, давать ценные советы. Свою работу эти субъекты зачастую выполняют в духе идеализма, выказывая серьезную готовность и преданность делу, и они,

скорее всего, продолжат работать долгое время и после завершения военных фаз миротворческой операции. Важность понимания гражданской полицией ролей и обязанностей многих гражданских структур и компонентов операции в пользу мира не может быть переоценена. В свою очередь, это часто создает значительную нагрузку на руководящий потенциал Комиссара гражданской полиции ООН и сотрудников его аппарата.

Характер и объем обязанностей и задач гражданской полиции ООН значительно возрос за последние 10 лет. Указанные в Докладе Брахими способы решения проблемы отчасти реализованы, однако со стороны государств-членов по-прежнему требуются повышенный интерес и поддержка для успешного устранения дефектов и недостатков устаревших международных соглашений.

Список использованной литературы:

1. *Зверев П.Г.* К вопросу о подготовке сотрудников полиции для участия в миротворческих операциях ООН // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 2 (36).

2. *Holm T.T., Eide E.B.* Peacebuilding and Police Reform, Frank Cass, London, 2000.

© П.Г. Зверев, 2014

УДК 343.7

П.Н. Кобец

Главный научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России г. Москва Российская Федерация
доктор юридических наук, профессор

РОЛЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ХИЩЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Общесоциальный уровень предупреждения хищений, традиционно выделялся в юридической литературе. Поскольку хищения – явление социальное, необходимо исходить из того, что успешная борьба с рассматриваемыми преступлениями, может быть лишь тогда, когда подход к их предупреждению будет комплексным, как при изучении, так и при профилактике. Функция общесоциальной профилактики последовательно осуществляется всем прогрессивным развитием общества. Общесоциальное предупреждение хищений связано с наиболее значимыми и долговременными видами социальной деятельности, осуществляется в процессе решения крупномасштабных социальных задач и включено, а реализацию этих задач, охватывает крупные, имеющие долговременный характер виды социальной практики [1].

Например, в сфере экономики – это развитие производства на основе современных технологий, продуманная структурная и инвестиционная стратегия, справедливое перераспределение собственности, укрепление национальной валюты и всей финансовой системы, снижение темпов роста инфляции и многие другие аспекты совершенствования экономических, а также тесно связанных с ними распределительных отношений. Не секрет, что в последнее десятилетие обман как криминальное явление, стало характерным для преступлений, совершаемых в банковской сфере. К мерам по организации противодействия

криминальным проявлениям в банковской сфере, можно отнести деятельность Центрального банка Российской Федерации по контролю и надзору за осуществлением кредитными организациями финансовых операций. Экономика России все более становится в зависимость от принимаемых решений политического и социального характера, поэтому, признавая правовые и экономические методы управления, на текущий момент можно рассматривать реальность принимаемых мер с выявлением обстановки опасности для экономики в той или иной сфере деятельности.

В сфере политической – это становление и развитие новой российской государственности, упрочение демократии и начал федерализма, укрепление всех ветвей власти, реализация политической воли противостояния социально негативным явлениям и процессам в условиях многопартийности.

В социальной сфере (в узком смысле этого слова) большое антикриминогенное значение имеют меры, направленные на усиление социальной ориентации преобразований; устранение резкого социального расслоения общества; поддержки малоимущих граждан; укрепление семейных устоев; обеспечение надлежащих условий для социализации личности, преодоление ее социального отчуждения; ограничение негативных последствий безработицы, вынужденной миграции людей и т. д.

Таким образом, меры общесоциального предупреждения имеют исключительно широкий диапазон, они воздействуют практически на все виды, группы, разновидности причин, условий и других детерминант преступности. Для профилактики хищений на общесоциальном уровне первостепенное значение имеют нейтрализация, блокирование, ограничение сфер и силы действия их причин и условий, коренящихся в противоречиях, диспропорциях, издержках социально-экономического развития, а также в духовно-нравственной сфере жизни общества. В этой связи необходимо отметить, что неуважительное отношение к чужому имуществу имеет в России давние и прочные традиции.

Предупреждение хищений дает возможность решать задачи борьбы с нею наиболее гуманными способами, с наименьшими издержками для общества, в частности, без включения на полную силу сложного механизма уголовной юстиции и без применения такой формы государственного принуждения, как уголовное наказание. Немаловажное значение в рассматриваемом плане имеет принцип неотвратимости наказания, так как безнаказанность, в частности в экономических преступлениях и хищениях в том числе, уровень которых в скрытой, латентной преступности весьма высок, оказывает негативное воздействие на лиц, у которых еще не сформировалась либо недостаточно стойки жизненные позиции и ценности. Кроме того, экономическая преступность – фундамент организованной преступности. Скрытые преступления оказывают негативное воздействие на экономику России, сдерживают развитие внешнеэкономических связей, динамику совместной хозяйственной деятельности, поступление иностранных инвестиций в нашу страну. Таким образом, проблема преодоления криминализации экономики, становится одной из ключевых проблем, как для российской экономической политики, так и для правоохранительных органов, а также для общества в целом [2].

Следует воссоздать, с учетом новых экономических, социальных и других реалий, систему общественной профилактики хищений. Речь в данном случае не идет об организации ежевечернего массового патрулирования дружинников по улицам и другим общественным местам, хотя в принципе нельзя отрицать превентивного значения и подобных мероприятий, с оговоркой, что они должны строиться на иных, чем прежде, подходах и принципах, в новых организационных формах (на сугубо добровольной и возмездной основе, без чрезмерного административного усердия и связанных с ним

нарушений прав человека, более целенаправленно и т. д.). В настоящее время очень важно найти оптимальные формы стимулирования, поощрения и развития государством гражданской активности, основанной на естественном стремлении людей организоваться, объединиться в целях защиты себя, своих детей, близких от преступных посягательств.

Специальная профилактика включает меры, направленные именно на выделение, устранение, ослабление, нейтрализацию криминогенных факторов, исправление лиц, могущих совершить или повторно совершить хищения. На уровне специальной профилактики цель борьбы с хищениями не растворена в более общих целях и не является производной. Эта цель выделена в качестве ведущей для соответствующих мер социального контроля, социальной реабилитации или правоохранительной деятельности. Необходимо иметь в виду, что специально-криминологическая профилактика, осуществляемая органами внутренних дел, взаимосвязана и влияет на общесоциальное предупреждение хищений, так как по результатам своей деятельности правоохранительные органы имеют возможность сигнализировать органам законодательной и исполнительной власти, о крупных социальных проблемах, требующих решения. Эти результаты влияют на состояние общества, уровень социальной напряженности в нем, общественное мнение, поддержание авторитета закона [3].

Иными словами, разработка и реализация мер специальной профилактики хищений прямо обусловлены наличием хищений, их состоянием и характером действующих криминогенных детерминант.

Список использованной литературы:

1. Кобец П.Н. Стабильность уголовного закона и его качество – один из факторов предупреждения хищений в России. Международное сотрудничество органов внутренних дел с правоохранительными органами зарубежных стран: проблемы теории и практики. Материалы круглого стола (Днепропетровск 23.05.2010). – Днепропетровск: Днепропетровский государственный университет, 2010.

2. Кобец П.Н. Генезис уголовного законодательства о преступлениях против собственности. Проблемы модернизации современной России. Сборник научных трудов / Под ред. проф. В.В. Галкина. Вып. 2. – Воронеж: ЦНТИ, 2011.

3. Кобец П.Н. Профилактика преступности как сложный, многогранный процесс, в условиях России начала второго десятилетия XXI столетия. Российский следователь. М., 2012. № 20.

© П.Н. Кобец, 2014

УДК 343.983.4

А. С. Кононенко

курсант 1 курса Волгоградской академии МВД России,
г. Волгоград, Российская Федерация

ДИАГНОСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПЛАСТИЧНЫХ СМАЗОК НА МЕСТЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

Дорожно-транспортные происшествия (ДТП), происходящие в результате нарушения нормального режима движения транспортного средства, влекут за собой смерть или травмирование людей. Для установления их обстоятельств привлекается специалист,

который при осмотре производит поиск, обнаружение, фото-, видеофиксацию [2, с. 34], изъятие и упаковку следов происшествия. Чаще всего изымаются следы нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов (далее НП и ГСМ), в частности автомобильных пластичных смазок [5], используемых в технике. Следователь перед специалистом ставит задачи не только по обнаружению НП и ГСМ [3, с. 430], но и по их оперативному исследованию [1]. Результаты криминалистического исследования пластичных смазок позволяют установить обстоятельства ДТП [7, с. 154]. С учетом свойств смазок одним из наиболее доступных методов исследования является метод «пятна».

Экспрессный метод «пятна» для установления марки пластичной смазки (ШРУС, Литол-24, ШРБ-4, ШРУС «Esso», ХНР-222, Солидол, Графитная, АТК (гидромасло), Азмол ШРБ-4, в качестве сравнительного образца в исследование привлекалось трансмиссионное масло Toyota 85W-90) заключается в следующем. На пластину "Sorbfil" для тонкослойной хроматографии (тип пластины ПТСХ-А-П-УФ) помещали по 1 мл растворённой в н-гексане пластичной смазки (в объемном соотношении: 1 ч. смазки и 6 ч. н-гексана), после этого пластину высушивали, наблюдали за люминесценцией хроматограммы в лучах переносной УФ-лампы, имеющейся в каждом унифицированном чемодане. Измерение диаметров центрального ядра и зоны диффузии смазки, т.е. кольца, очерченного вокруг центрального ядра, производили с помощью линейки. По результатам измерений вычисляли диспергирующую способность каждой смазки, и сравнительного образца масла. Диспергирующая способность (ДС), выражаемая в условных единицах, определялась по площади диффузии [4] раствора смазки на хроматограмме: $ДС = 1 - d_i / D_s$, где d_i – средний диаметр центрального ядра, мм; D_s – средний диаметр внешнего кольца диффузии, мм. Для каждой пластичной смазки проводилось не менее 3 повторных исследований. Результаты измерений представлены на рис. 1.

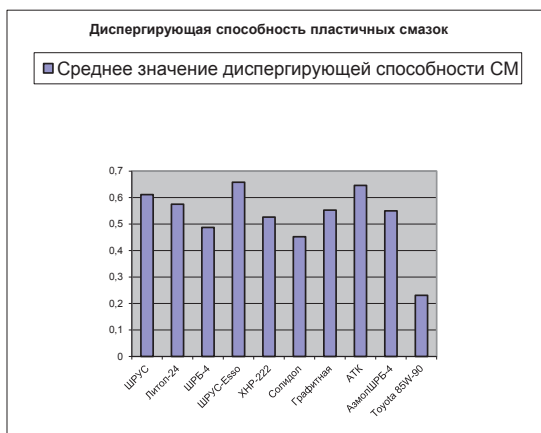

Рис. 1.

На рисунке хорошо видно различие между пластичными смазками и трансмиссионным маслом. Проведенная научно-практическая работа показала, что предварительное исследование микроколичеств НП и ГСМ должно являться неотъемлемой частью при расследовании обстоятельств ДТП [8]. Особое значение приобретает метод «пятна» [6], позволяющий отделить группу смазок не только от ГСМ, но и, в вероятной форме, дифференцировать их по маркам.

Список использованной литературы:

1. Афанасьев А.В. Особенности определения тетраэтилсвинца в бензине на месте происшествия /А. В. Афанасьев, Д. В. Кайргалиев, Д. В. Васильев, И. Н. Мельников //Тенденции формирования науки нового времени: материалы Международной науч.-практ. конф., 27–28 декабря 2013 г. В 4 ч. Ч. 2. Отв. ред. А. А. Сукиасян. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – С. 230–234.
2. Васильев Д.В., Пономаренко Д.В., Кайргалиев Д.В. Фото- и видеофиксация места происшествия при чрезвычайных ситуациях //Деятельность сотрудников органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах: сб. науч. ст. /под. общ. ред. В. И. Косяченко. Волгоград: ВА МВД РФ, 2012. – С. 33–37.
3. Кайргалиев Д.В. Особенности поиска, обнаружения, фиксации, изъятия, предварительного исследования и упаковки следов нефтепродуктов, горюче-смазочных материалов на месте происшествия /Д. В. Кайргалиев, Д. В. Васильев, Ю. В. Гудзенко, А. А. Беченков // Фундаментальные исследования. 2014. № 6 (часть 2). – С. 430–434.
4. Кайргалиев Д.В. Предварительное исследование пластичных смазок и их следов на месте происшествия /Д. В. Кайргалиев, Ф. П. Орлов //Модернизация российского общества: механизмы реализации. Сб. науч. трудов / Под ред. Б. В. Чернышова. Вып. 1. Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2011. – С. 440–445.
5. Кайргалиев Д.В., Васильев Д.В., Мельников И.Н. Использование специальных знаний при исследовании автомобильных пластичных смазок на месте дорожно-транспортных происшествий // Проблемы и перспективы современного права: сб. статей Международной научно-практической конференции. Отв. ред. А. А. Сукиасян. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – С. 19–22.
6. Криминалистическое исследование моющих присадок светлых нефтепродуктов и ГСМ: учеб. пособие /Ю. В. Гудзенко, Д. В. Кайргалиев, И. Н. Мельников, Ф. П. Орлов. Саратов: СЮИ МВД России, 2009. 128 с.
7. Методика предварительного исследования бензинов на месте происшествия /Д. В. Кайргалиев, К. В. Рогов, А. А. Горин, И. Н. Мельников //Акме: сб. тр. молодых ученых /под ред. Л. И. Покатаева. Вып. 5. Саратов: СЮИ МВД России, 2008. С. 151–154.
8. Хрусталева В.Н. Криминалистическое исследование веществ, материалов и изделий: курс лекций / В. Н. Хрусталева, В. М. Райгородский. Саратов, 2005.

© А. С. Кононенко, 2014.

УДК 34

П.О. Кузнецов

Аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация

НЕСКОЛЬКО АСПЕКТОВ В ПОЛЬЗУ ЗАКРЕПЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Согласно ст. 19 УК РФ уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного уголовным законодательством. То есть, для наличия состава преступления субъект должен отвечать перечисленным в ст. 19 УК РФ юридическим признакам. При отсутствии одного из этих признаков лицо не может

быть привлечено к уголовной ответственности. По общепринятой позиции и в соответствии с действующим Уголовным кодексом Российской Федерации уголовную ответственность за совершение преступлений могут нести только физические лица: граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства.

Начиная с 90-х годов XX столетия, ведутся оживленные дискуссии о признании субъектами уголовной ответственности юридических лиц. Существуют три основных позиции: 1) Б.В. Волженкин, Э.Н. Жевлаков, И.А. Кучерков и некоторые другие ученые обосновывают необходимость введения уголовной ответственности юридических лиц [2; 3; 7, с. 28 и др.]; 2) Н.Ф. Кузнецова, С.А. Семенов и другие авторы категорически против признания юридических лиц субъектами уголовной ответственности [6, с. 82; 10, с. 25]; 3) А.В. Малешина, Н.В. Щедрин, А. Востоков предлагают компромиссный вариант закрепления в законодательстве санкций безопасности или, как они их еще называют, иных мер уголовно-правового характера [8, 11, 12].

Полагаем, возникновение идеи закрепления уголовной ответственности юридических лиц обусловлено несколькими аспектами.

Во-первых, существованием подобного института в ряде зарубежных государств. Уголовная ответственность юридических лиц успешно реализуется в Англии, Бельгии, Дании, Финляндии, Франции, США и других странах. По мнению С.С. Арбузова, С.П. Кубанцева закрепление уголовной ответственности юридических лиц в западных странах связано с отсутствием административных санкций в отношении юридических лиц за совершение правонарушений. Авторы говорят о том, что в зарубежном законодательстве закреплена в виде уголовной ответственности, аналогичная административной в России, и относится к малому уголовному праву или к уголовной ответственности за незначительные преступления [1]. С уважаемыми авторами следует не согласиться. При предложении закрепить уголовную ответственность юридических лиц речь идет не о незначительных преступлениях. Так как не может считаться незначительным преступление, повлекшее, пусть и по неосторожности, но смерть человека. Административные правонарушения ни при каких условиях не могут быть приравнены к преступлениям. А между тем, часто на практике встречаются случаи, когда лицам, ответственным, например, за соблюдение правил безопасного ведения горных, строительных и иных работ руководитель отдает устное распоряжение об их нарушении (выпуск неисправной техники, использование неисправного оборудования, некачественных строительных материалов и т.д.). И у лица, ответственного за соблюдение правил, остается только два выхода: уволиться или нарушать правила до тех пор, пока такое нарушение не приведет к наступлению преступных результатов. При этом ответственность несет лицо, на котором лежала обязанность по соблюдению правил безопасного ведения работ, а не лицо, которое отдавало ему незаконные устные распоряжения. Организация продолжает в таком случае функционировать и дальше, на ней вновь будут совершаться аналогичные преступления. И именно поэтому публично-правовое воздействие на юридических лиц, совершивших преступления, возможно лишь в рамках уголовно-правовых мер. Другое дело, какие санкции для них должны быть предусмотрены.

Во-вторых, закреплением ратифицированными Россией международными правовыми актами возможности привлечения к уголовной ответственности юридических лиц и ее законодательной регламентацией на национальном уровне. Международные правовые акты, в том числе и ратифицированные Российской Федерацией, рекомендуют установление уголовной ответственности юридических лиц. Так, уголовная ответственность юридических лиц за отдельные виды преступлений установлена ст. 26 Конвенции против коррупции, ст. 10 Конвенции против организованной

транснациональной преступности [4, 5]. Здесь не приведены Конвенции, не ратифицированные Российской Федерацией.

В-третьих, включение в предварительные проекты Уголовного кодекса Российской Федерации, на основе которых подготовлен действующий кодекс, юридических лиц в качестве субъектов уголовной ответственности, рассмотрение Проекта Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц».

В-четвертых, наличием необходимости привлечения к уголовной ответственности юридических лиц и недостаточностью имеющихся на практике правовых методов воздействия. В пояснительной записке к Проекту Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» указано на ряд недостатков, вызванных существованием только административной и гражданско-правовой ответственности юридических лиц. Это ограниченность возможностей установления обстоятельств причастности юридического лица к событию преступления в рамках административного производства; производство по делам об административных правонарушениях в режиме экономии процессуальных сил и средств, в том числе по упрощенной процедуре, в более сжатые сроки, чем предварительное расследование в связи с меньшей степенью социальной опасности административных правонарушений (их антиобщественного, а не общественно опасного характера); невозможность проведения оперативно-розыскных мероприятий при производстве по этой категории правонарушений; отсутствие в административном законодательстве необходимых санкций, адекватных общественной опасности преступности [9].

В действующем гражданском законодательстве предусмотрена принудительная ликвидация организации. По мнению С.С. Арбузова и С.П. Кубанцева она вполне может заменить ту ликвидацию, которая предлагается в проекте Федерального закона [1]. В соответствии с ч. 2 ст. 61 Гражданского кодекса Российской Федерации юридическое лицо может быть ликвидировано по решению суда принудительно в строго предусмотренных законом случаях. Но такая ликвидация не будет носить такого характера, как если бы организация была ликвидирована в соответствии с Уголовным кодексом. К тому же в данном случае речь идет, скорее об арбитражном судопроизводстве, что существенно затягивает процесс рассмотрения дела и увеличивает расходы государства на его рассмотрение. При закреплении уголовной ответственности в виде ликвидации организации были бы снижены материальные, временные и кадровые затраты государства, так как такое решение могло бы приниматься в рамках уголовного судопроизводства.

В-пятых, в пояснительной записке к Проекту Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» подчеркивается, что действующее российское законодательство в области противодействия преступности юридических лиц не отвечает мировым стандартам и не позволяет вести борьбу с этим явлением [9].

Эти аспекты необходимо рассматривать и в качестве основания для закрепления уголовной ответственности юридических лиц и признания их субъектами уголовной ответственности.

На основании вышеизложенного, полагаем, что в существующем уголовном законодательстве и правоприменительной практике назрела необходимость закрепления уголовной ответственности юридических лиц. Конечно, это требует существенных временных и научных затрат, внесения множественных изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации, и провести такие перемены в сжатые сроки невозможно.

Список использованной литературы:

1. Арбузов С.С., Кубанцев С.П. О перспективе введения в России института уголовной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 2012. №10. СПС «Гарант». Дата обращения: 13.03.2013.
2. Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998. 40 с.
3. Жевлаков Э.Н. К вопросу об ответственности юридических лиц за совершение экологических преступлений // Уголовное право. 2002. № 1. С. 10 – 13.
4. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г. Российская Федерация ратифицировала настоящую Конвенцию Федеральным законом от 8 марта 2006 г. N 40-ФЗ с заявлениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. №26, ст. 2780.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. (Российская Федерация ратифицировала настоящую Конвенцию Федеральным законом от 26 апреля 2004 г. N 26-ФЗ с заявлениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. №40, ст. 3882.
6. Кузнецова Н.Ф. Цели и механизмы реформы Уголовного кодекса // Государство и право. 1992. № 6. С. 78 – 86.
7. Кучерков И.А. Расследование преступных нарушений правил безопасности при проведении строительных работ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 230 с.
8. Малешина А.В. Уголовная ответственность юридических лиц и перспективы ее регламентации в уголовном законодательстве России // Законодательство. 2009. № 8. СПС «Гарант». Дата обращения: 08.03.2013.
9. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <http://www.sledcom.ru/discussions/?ID=45943>. Дата обращения: 09.05.2014.
10. Семенов С.А. Специальный субъект преступления в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 203 с.
11. Щедрин Н., Востоков А. Уголовная ответственность юридических лиц или иные меры уголовно-правового характера в отношении организаций // Уголовное право. 2009. № 1. С. 58 – 61.
12. Щедрин Н.В. Четыре «колеи» российского уголовного права // Уголовное право. 2008. №4. С. 59 – 62.

© П.О. Кузнецов, 2014

УДК 343.9

А.А. Лихолетов

к.ю.н., старший преподаватель ВА МВД России

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

С момента своего зарождения криминалистическая наука опиралась на наиболее актуальные достижения технического прогресса. Тому существует несколько предпосылок.

Важнейшей среди них следует признать основное и определяющее назначение криминалистики – выработка способов и механизмов борьбы с преступностью. «Это социальное явление – преступность – подвижно, как ртуть, ей имманентны динамизм и изменчивость, чуткая корректировка методов исходя из реалий складывающихся в обществе отношений» [1]. Соответственно, противодействующая деятельность государства не может уступать в изобретательности.

Взаимообусловленность также характеризует и соотношение научно-технического прогресса и темпов развития криминалистики. То есть осознание обществом серьезности угроз, значительности вызова, бросаемого криминалитетом, детерминирует импульс развития науки, а также использование при достижении специальных целей передовых достижений технической мысли.

Адекватное понимание сущности и форм технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений (далее – ТКО), позволяет анализировать и определять перспективные направления для увеличения эффективности правоохранительной деятельности в целом и ТКО в частности как ее элемента. Среди них выделяются следующие: 1) потенциальная возможность удовлетворения как можно большего количества заявок на обслуживание; 2) стоимость расследования; 3) продолжительность расследования; 4) снижение вероятности осуждения невинных и оправдания преступников; 5) безопасность участников расследования.[2]

Оговоримся сразу, что в настоящее время, по мнению некоторых ученых, наиболее перспективным выглядит внедрение информационно-коммуникационных технологий в процедуру производства таких следственных действий, как допрос, очная ставка, предъявление для опознания и освидетельствование [3].

Помня о проблеме снижения стоимости расследования, резюмируем: работу по внедрению в правосудие информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) должно предварять определение стоимости расследования, точнее – ряда его этапов, конкретных следственных действий или их комплексов.

Существенно сказывается на окончательной величине стоимости расследования и ряд факторов, игнорировать которые нельзя. Прежде всего хотелось бы выделить такие емкие статьи, как командировочные расходы, затраты на этапирование и иное перемещение подозреваемых (обвиняемых), прочих участников уголовного судопроизводства, содержащихся в учреждениях пенитенциарной системы, а также издержки на привлечение отдельных специалистов, в частности переводчиков, сурдопереводчиков[4].

В рамках формирования ЕИТКС МВД России все подразделения органов внутренних дел в ближайшее время будут соединены современными компьютерными коммуникациями. Для достижения этих целей выделены существенные средства (более 24 млрд. рублей) [5], и дополнительный объем финансирования не потребуются. Однако в настоящее время не планируется при помощи вновь создаваемой инфраструктуры проводить следственные действия. В этом-то и заключается усовершенствование действующей процедуры расследования преступлений. Видеоконференцсвязь по своим материальным и инновационным качествам способна стать основным научно-техническим средством технико-криминалистического обеспечения дистанционного производства отдельных следственных действий. [6]

Низкое качество оборудования или коммуникационных средств способно стать дополнительным фактором искажения или утраты доказательственной информации в ходе дистанционных следственных действий. Поэтому, например, Е.Г. Кравец предлагает проводить их на базе ЕИТКС МВД России.[7]

Ключевым преимуществом ИКТ перед традиционными формами производства следственных действий заключается в уникальных возможностях по сохранению доказательственной информации путем сокращения времени до её процессуального закрепления. Откладывание следственного действия с участием удаленного географически фигуранта в связи с необходимостью организации служебной командировки, а равно поручение производства следственного действия другому следователю, не имеющего в своем производстве конкретного уголовного дела, не в полной мере знакомого с обстоятельствами преступления, способно лишь негативно сказаться на качестве проводимого расследования.[8]

Основной импульс преобразования отечественного законодательства и, как следствие, правоприменительной деятельности можно определить довольно четко – неуклонное движение в сторону повсеместного использования достижений науки техники, современных технологий и информационных систем[9]. Об этом, в частности, напрямую говорится в Федеральном законе «О полиции» от 07.02.2011 года №3-ФЗ, где данный постулат включен в перечень принципов деятельности полиции (ст. 11 Закона).

Той же тенденции подчинен ряд изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Так, введена статья 278.1, предоставляющая суду право допросить свидетеля с использованием видеоконференцсвязи. Помимо этого, уже достаточно продолжительное время существует практика рассмотрения судами субъектов Российской Федерации жалоб на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, когда обвиняемый участвует в заседании дистанционно, находясь в следственном изоляторе.

Упомянутые нововведения в порядок производства судебного следствия, хотя и всецело приветствуются нами, все же вызывают ряд нареканий в части своего процессуального закрепления. Технология видеоконференцсвязи в силу своей комплексности должна быть отнесена, по нашему мнению, к способам фиксации. Учитывая ее многочисленные особенности, данная технология заслуживает обособленного упоминания в перечне способов фиксации, а также подробного описания в тексте закона.

Организационно-ресурсное обеспечение использования информационно-коммуникационных технологий при производстве следственных действий надлежит осуществлять в следующей форме: в органах внутренних необходимо оборудовать специализированные помещения для дистанционных сеансов. Сотрудники подразделений информационного обеспечения, прошедшие специальную подготовку по организации сеансов видеоконференцсвязи, устанавливают связь с удаленным пунктом, реализуют технические мероприятия.

Список использованной литературы:

1. Кравец Е.Г. Возникновение и эволюция технико-криминалистического обеспечения как элемента в организации раскрытия и расследования преступлений// Современные проблемы права: сб. науч. тр. / отв. ред. П.В. Анисимов. Волгоград: ВА МВД России, 2009.
2. Кравец Е.Г. К дискуссии об определении структуры технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. М.: Московский университет МВД России, 2011.
3. Кравец Е.Г. Современные возможности накопления, передачи и анализа информации, значимой для расследования преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. № 2 (13). – С. 72–78.

4. Кравец Е.Г. Применение научно-технических средств в процессе доказывания// Проблемы реализации уголовного и уголовно-процессуального законодательства на современном этапе: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Волгоград: Изд-во Поликарпов И.Л., 2012.

5. М.И. Суходольский «О развитии Единой информационно-коммуникационной системы органов внутренних дел Российской Федерации». – Доклад на Президиуме Совета при Президенте Российской Федерации по развитию информационного общества, 2010 г.

6. Е.Г. Кравец, Е.Ю. Попов, А.Г.Кравец, М.А.С. Аль-Ашваль Подход к реализации автоматизированной системы дистанционного проведения следственных действий// Известия ВолГТУ: межвузовский сборник научных статей. № 4 (91), 2012.

7. Е.Г. Кравец Движение информации в ходе следственного действия // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6; URL: <http://www.science-education.ru/113-11422> (дата обращения: 29.12.2013).

8. Кравец Е.Г. Теоретические вопросы технико-криминалистического обеспечения дистанционного производства отдельных следственных действий // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. М.: Московский университет МВД России, 2011.

9. Кравец Е.Г., А.Н. Мартынов, Н.В. Шувалов Регламентация применения научно-технических средств в процессе технико-криминалистического обеспечения производства отдельных следственных действий // *Materialy X Miedzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji «Naukowa mysl informacyjnej powieki – 2014»* Volume 11. Prawo.: Przemysl. Nauka i studia.

© А.А. Лихолетов, 2014

УДК 343.983.4

Т. Р. Мухаметшин

слушатель 4 курса Волгоградской академия МВД России,
г. Волгоград, Российская Федерация

ИЗГОТОВЛЕНИЕ КОПИЙ ОБЪЕМНЫХ СЛЕДОВ ОБУВИ ПРИ НИЗКИХ ТЕМПЕРАТУРАХ

В условиях низких температур [8] воздуха работа специалиста со следами преступления (следы автошин автомобильного транспорта или обуви, орудий взлома и т.д.) крайне затруднена.

Изготовление копий следов обуви участников расследуемого происшествия с использованием воды, замерзающей при 0 °С и более низких отрицательных температурах окружающей среды, невозможно и требует внесения изменений в «классический» алгоритм [2] работы специалиста со следами обуви (приемы и способы фиксации [1, с. 33] и изъятия объемных следов при положительных и слабо отрицательных температурах не представляется возможным реализовать).

Мы считаем актуальной разработку новых научно-технических средств [6] и методов изъятия следов обуви [3-4], позволяющих специалисту получать копии с объемных следов обуви при резко отрицательных температурах воздуха (до –35 °С). Для решения поставленной задачи актуально изучить возможность применения жидкости с пониженной

температурой замерзания (например, 8-24 %-ных растворов этанола), определить качество копии следа преступления, изготавливаемой специалистом на месте происшествия в условиях суровой зимы.

Связующим в предлагаемых составах для получения копий объёмных следов обуви в диапазоне температур воздуха от 0 до -35°C использовали строительный гипс – алебастр, $(\text{CaSO}_4)_2 \cdot \text{H}_2\text{O}$. Воду, замерзающую на морозе, заменили водными растворами этанола [5, с. 308].

Затворение и твердение полуводного гипса, обусловленное переходом его при взаимодействии с водой в дигидрат по схеме: $\text{CaSO}_4 + 0,5 \text{H}_2\text{O} + 1,5 \text{H}_2\text{O} = \text{CaSO}_4 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$, при низких температурах окружающей среды места происшествия не происходят в связи с замерзанием воды, сформированный «слепок» следа обуви при внесении его в отапливаемое помещение размораживается и растекается. Использование 12 %-ного раствора этанола достигает качество результатов получения вещественного доказательства – гипсовой копии следа [7]. Крепкие растворы спирта (24 об. % $\text{C}_2\text{H}_5\text{OH}$ и более) для решения поставленной задачи, как показали эксперименты, непригодны.

С точки зрения эффективности работы специалиста [9] при получении копии объёмного следа обуви наиболее пригодны растворы $\text{C}_2\text{H}_5\text{OH}$ (12 и 16 об. %), с которыми при смешении полуводный гипс растворяется с образованием насыщенного спиртового раствора в независимости от температуры воздуха. В смеси гипс (тонкий помол) взаимодействует со спиртами, точнее с водой, и переходит в диводный [10, с. 161]. Этанол не мешает протеканию основному процессу твердения гипса, образованию пересыщенного раствора $\text{CaSO}_4 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$ (твёрдого вещества).

Список использованной литературы:

1. Васильев Д.В., Пономаренко Д.В., Кайргалиев Д.В. Фото– и видеофиксация места происшествия при чрезвычайных ситуациях //Деятельность сотрудников органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах: сб. науч. ст. /под. общ. ред. В. И. Косяченко. Волгоград: ВА МВД РФ, 2012. С. 33–37.
2. Грановский Г.Л. Основы трасологии (особенная часть): учеб. М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1974. 240 с.
3. Кайргалиев Д.В., Кондаков А.В. Некоторые проблемы в изъятии объёмных следов обуви и транспортных средств //Актуальные вопросы права и правоприменения: материалы всерос. науч.-практ. конф., Ставрополь, 20–21.10.2011: в 2 ч. Ч. 2. Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2011. С. 141–144.
4. Кайргалиев Д.В., Кондаков А.В. Особенности изъятия объёмных следов в условиях отрицательных температур //Судебная экспертиза. 2012. № 2 (30). С. 87–96.
5. Каримова И.А., Кайргалиев Д.В., Кондаков А.В. Копирование объёмных следов обуви на снежном покрове /Викристання спеціальних знань у кримінальному провадженні //Вісник Луганського державн. універ. внутрішніх справ ім. Е. О. Дідоренка. Спец. вип. № 1. Луганськ, 2014. С. 308–313.
6. Мельников И.Н., Кайргалиев Д.В., Хрусталев В.Н. Состав для получения слепков в трасологии // Патент № 2406706 РФ. Опубл. 20.12.2010. Бюл. № 35.
7. Предварительное исследование взрывчатых веществ и следов взрыва на месте происшествия: учеб. пособие /Д. В. Кайргалиев, Д. В. Васильев, Д. В. Пономаренко, И. Н. Мельников, Р. И. Деев. Волгоград: ООО «Царицынская полиграфическая компания», 2013. 104 с.
8. Справочники по климату СССР. Температура воздуха и почвы. Вып. 1–34. Л.: Гидрометеоздат, 1965–1974.

9. Хрусталеv В.Н., Зайцев В.В. Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях: учеб. пособие. Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2011. 392 с.

10. Kayrgaliev D.V., Vasilev D.V., Kondakov A.V. Copying volume traces shoes on snowpack // Теоретические и практические вопросы науки XXI века: сб. статей Международной научно-практической конференции. Отв. ред. А. А. Сукиасян. Уфа, Респ. Башкортостан, 2014. С. 158–161.

© Т. Р. Мухаметшин, 2014

УДК 347.73

В.Е. Поnamоренко, А.А. Шмарко, Ю.В. Турченкова

О ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ДОГОВОРА О СОЗДАНИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Как известно, 29 мая 2014 года был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС) [1]. В соответствии с пунктом 1 статьи 1 Договора о ЕАЭС в рамках Союза обеспечивается свобода движения товаров, услуг, рабочей силы, а также капитала. Свобода капитала проявляется, прежде всего, в условиях общего финансового рынка, когда для его участников установлены общие правила, и законодательное регулирование не препятствует, а способствует движению капитала. Устранение барьеров на рынке финансовых услуг должно способствовать усилению конкуренции и повышению качеству оказываемых услуг, создать новые перспективы для развития бизнеса. По сути, эти мероприятия направлены на поднятие уровня экономического развития государств-участников общими силами, на создание общего конкурентоспособного рынка, в том числе финансового.

В качестве одной из предпосылок создания общего финансового рынка служит стремление государств-членов ЕАЭС снизить зависимость от внешнего финансирования, создавая новые источники для привлечения ресурсов. По словам директора Департамента финансовой политики Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) Бембя Хулхачиева, сильный финансовый рынок позволит обеспечить внутреннее фондирование экономик и уменьшит подверженность внешним факторам.

Помимо прочего, создание общего финансового рынка послужит шагом на пути создания валютного союза. По словам министра ЕЭК по основным направлениям интеграции и макроэкономике Татьяны Валовой, учитывая опыт ЕС, прежде чем создавать единую валюту, необходимо гармонизировать финансовый сектор. Соответственно, введение единой валюты должно стать завершающей частью интеграционного процесса.

Вопросам регулирования финансовых рынков посвящен Раздел XVI Договора о ЕАЭС. Статья 70 Договора о ЕАЭС закрепляет цели и принципы, которых государства-члены придерживаются при регулировании финансовых рынков, а также основные формы сотрудничества государств в целях создания на финансовом рынке условий для обеспечения свободного движения капитала. Положения Договора о регулировании финансовых рынков – статья 70, Приложение № 17, содержащее Протокол по финансовым услугам – направлены на формирование и обеспечение функционирования общего финансового рынка, определение которого вводится пунктом 3 указанного Протокола. Под

общим финансовым рынком понимается рынок, где действуют гармонизированные требования к регулированию и надзору в сфере финансовых рынков государств-членов, осуществляется взаимное признание лицензий, осуществляется деятельность по предоставлению финансовых услуг на всей территории Союза без дополнительного учреждения в качестве юридического лица, и организовано административное сотрудничество между уполномоченными органами государств-членов, в т.ч. путем обмена информацией.

Предпосылками к формированию общего финансового рынка выступают Соглашение о торговле услугами и инвестициях [2] и Соглашение о создании условий для обеспечения свободного движения капитала в государствах – участниках Единого экономического пространства от 9 декабря 2010 года (далее – Соглашение о создании условий) [3]. На основе данных Соглашений Коллегией ЕЭК 16 января 2014 года одобрено Соглашение о требованиях к осуществлению деятельности на финансовых рынках государств-участников Единого экономического пространства. Данные документы легли в основу Договора о Евразийском экономическом союзе.

В отличие от Проекта Договора о ЕАЭС от 12 февраля 2014 года, опубликованного на официальном сайте Министерства экономического развития РФ, Договор о ЕАЭС не содержит положения о создании наднационального органа по регулированию финансового рынка государств-членов. Вероятно, это объясняется тем, что создание такого наднационального органа было бы преждевременным ввиду отсутствия механизма сотрудничества регуляторов финансового рынка государств-членов и до формирования общего финансового рынка.

Более того, создание такого органа может создать правовую коллизию в полномочиях наднациональных органов в сфере финансовых рынков. Евразийская экономическая комиссия является единым постоянно действующим органом ТС и ЕЭП. Согласно статье 3 Договора о Евразийской экономической комиссии 18 ноября 2011 года (далее – Договор о ЕЭК) [4], ЕЭК обладает полномочиями, предусмотренными Договором о ЕЭК, международными договорами, составляющими договорно-правовую базу ТС и ЕЭП, а также решениями Высшего евразийского экономического совета во многих сферах, в том числе и в сфере финансовых рынков. Исходя из этого, во избежание коллизии полномочий, при создании наднационального органа необходимо будет четко разграничить вопросы, отнесенные к полномочиям этого органа и ЕЭК в сфере финансовых рынков.

В соответствии с пунктом 3 статьи 70 и статьей 103 Договора о ЕАЭС и с учетом Приложения №17 к Договору, государства-члены осуществят гармонизацию в сфере финансового рынка к 2025 году, а в последующем – примут решение о полномочиях и функциях наднационального органа по регулированию финансового рынка с местом расположения в городе Алматы.

В условиях формирования общего финансового рынка на данном этапе, государствам-участникам Договора о ЕАЭС, прежде всего необходимо создать условия для диалога национальных финансовых регуляторов, чтобы гармонизация и сотрудничество были эффективными. Представляется рациональным воспринять опыт Европейского союза, в частности, в процессе Ламфалусси. ЕС в ходе установления финансового регулирования столкнулся с недостатками законодательства и самого механизма регулирования. Этот вопрос решался посредством создания комитетов, функцией которых заключалась в оказании

технической и консультационной поддержки Европейской комиссии: они являлись посредником между этим наднациональным органом и национальными регуляторами [5]. Этот механизм тесного сотрудничества служил предпосылкой единообразного понимания различных вопросов, а также способствовал тому, чтобы принимаемые Комиссией решения были более быстрыми и эффективными. Похожий орган-посредник между ЕЭК и национальными регуляторами, а также бизнес-сообществом существует в настоящее время в ТС и ЕЭП, им является Консультативный комитет по финансовым рынкам при Коллегии ЕЭК (далее – Консультативный комитет по финансовым рынкам). Главными функциями этого комитета являются: проведение консультаций с государствами-членами, а также выработка решений для Коллегии ЕЭК по вопросам формирования и реализации гармонизированной политики в сфере финансовых услуг, создания условий для расширения торговли финансовыми услугами и формирования финансового рынка, создания благоприятных условий для инвестирования.

Вероятно, уже на данном этапе гармонизации регулирования и сотрудничества в области финансового рынка имело бы смысл создание профильных комитетов, а не просто комитета по финансовым рынкам. Имея в виду специфику банковских, страховых услуг и рынка ценных бумаг, тот объем законодательных норм, которая регулирует каждую из сфер, возможно именно это подтолкнуло бы к более тесному взаимодействию национальные регуляторы и послужило основой для реальных действий в ходе гармонизации. Кроме того, представляется целесообразным наделить комитеты функцией контроля за ходом осуществления гармонизации на национальном уровне, с тем, чтобы устанавливаемые Договором о ЕАЭС сроки в конечном счете соблюдались, а также следует предусмотреть санкции за их нарушение.

Список использованной литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014. URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/about/structure/depnsng/agreement-eurasian-economic-union> (дата обращения: 30.05.2014)
2. Соглашение о торговле услугами и инвестициях между государствами – участниками Единого экономического пространства от 9.12.2010. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/regtorg/Documents/C%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%20%D0%BE%20%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%20%D1%83%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%B0%D0%BC%D0%B8%20%D0%B8%20%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%8F%D1%85.pdf> (дата обращения: 30.05.2014)
3. Соглашение о создании условий для обеспечения свободного движения капитала в государствах – участниках Единого экономического пространства от 9.12.2010. URL: http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/formuep/capmove/doc20101021_016
4. http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/formuep/capmove/doc20101021_016 (дата обращения: 30.05.2014)
5. Договор о Евразийской экономической комиссии 18 ноября 2011 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121990/
6. Касьянов Р.А. Организация деятельности финансовых регуляторов в Европейском союзе. URL: http://vestnik-old.mgimo.ru/files/27/21_kasianov.pdf (дата обращения: 30.05.2014)

© В.Е. Понаморенко, А.А. Шмарко, Ю.В. Турченкова, 2014

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ВНУТРЕННЕЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Нормативной базой регулирования вопроса определения внутрипартийной формы правления служит ст. 24 Федерального закона Российской Федерации от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях», согласно которой высшим руководящим органом политической партии является съезд политической партии. Высшим руководящим органом регионального отделения политической партии является конференция или общее собрание регионального отделения политической партии. Уставы политических партий детально регламентируют данный вопрос.

Руководящим и центральным органам партии «Единая Россия» посвящена глава 8 устава данной партии, согласно которой высшим руководящим органом Партии является Съезд Партии. Исключительная компетенция Съезда закреплена п. 8.3.5 Устава и включает в себя утверждение Устава Партии, а также внесение в него изменений и дополнений; принятие программы Партии, предвыборной; определение основных направлений деятельности Партии; избрание открытым голосованием Председателя Партии сроком на пять лет, в случаях, предусмотренных настоящим Уставом; избрание открытым голосованием Председателя Высшего совета Партии сроком на пять лет [2] и др.

Также к руководящим органам относится Генеральный совет. Центральными органами Партии являются Съезд Партии, Высший совет, Генеральный совет (постоянно действующий руководящий коллегиальный орган Партии в период между Съездами Партии гл. 9 Устава), Президиум Генерального совета (центральный выборный коллегиальный орган Партии, подотчетный Генеральному совету Партии гл. 10 Устава), Центральный исполнительный комитет (постоянно действующий исполнительный орган Партии и подотчетен Президиуму Генерального совета Партии гл. 11 Устава) и Центральная контрольно-ревизионная комиссия (центральный орган Партии, осуществляющий контроль за соблюдением Устава, исполнением решений центральных органов Партии, а также за финансовой и хозяйственной деятельностью Партии и ее структурных подразделений гл. 12 Устава) [2].

Центральные органы Партии организуют внутрипартийные дискуссии членов Партии, ее сторонников по актуальным проблемам развития страны и вопросам развития и совершенствования Партии, в том числе – путем формирования и развития внутрипартийных платформ.

Согласно п. 3.6 Устава Коммунистической партии Российской Федерации высшим руководящим органом партии является Съезд КПРФ. Постоянно действующим руководящим органом партии является Центральный Комитет КПРФ. В период между заседаниями Центрального Комитета КПРФ, постоянно действующим руководящим органом партии является Президиум ЦК КПРФ. Центральными органами партии являются Центральный Комитет КПРФ, Президиум ЦК КПРФ и Секретариат ЦК КПРФ. Центральными контрольными органами партии являются Центральная Контрольно-ревизионная комиссия КПРФ и Президиум ЦКРК КПРФ (подробное регулирование в главах VII-VIII Устава) [3].

Согласно гл. V Устава Либерально-демократической партии России Руководящими органами ЛДПР являются Съезд, Высший Совет и Председатель ЛДПР. Центральный Аппарат ЛДПР является исполнительным органом Высшего Совета ЛДПР. Контрольно-ревизионным органом ЛДПР является Центральная контрольно-ревизионная комиссия (ЦКРК) [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что практика партийного строительства выработала наиболее эффективную структуру построения партии. Как правило, партии учреждают Высший руководящий орган (Съезд), постоянно действующий руководящий коллегиальный орган Партии в период между Съездами, центральный выборный коллегиальный орган Партии, постоянно действующий исполнительный орган и центральный контролирующий орган. При этом, партии свободны в выборе процедуры формирования данных органов, в настоящее время они, как правило, формируются на демократической основе путем избрания большинство голосов при тайном голосовании. При этом Устав КПРФ особо подчеркивает, что партия действует на основе принципа демократического централизма, идейной общности и партийного товарищества.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон Российской Федерации от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» // Российская газета. – 2001. – 14 июля.
2. Устав Всероссийской политической партии «Единая Россия». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://er.ru/party/rules/#6>.
3. Устав политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kprf.ru/party/charter>.
4. Устав политической партии «Либерально-демократическая партия России». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ldpr.ru/party/ustav>.

© В.Э. Фокина, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Д. В. Васильев ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ПРОВЕДЕНИЯ АЗАРТНЫХ ИГР.....	3
И.П. Долгих, С.В. Ивакин, А.Ф. Быстрянец ДОСТАВЛЕНИЕ КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ.....	6
П.Г. Зверев ВНУТРЕННИЕ ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....	9
П.Г. Зверев СОТРУДНИЧЕСТВО ГРАЖДАНСКОЙ ПОЛИЦИИ ООН С ИНЫМИ СУБЪЕКТАМИ МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	10
П.Н. Кобец РОЛЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ХИЩЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	12
А. С. Кононенко ДИАГНОСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПЛАСТИЧНЫХ СМАЗОК НА МЕСТЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ.....	14
П.О. Кузнецов НЕСКОЛЬКО АСПЕКТОВ В ПОЛЬЗУ ЗАКРЕПЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА.....	16
А.А. Лихолетов ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	19
Т. Р. Мухаметшин ИЗГОТОВЛЕНИЕ КОПИЙ ОБЪЕМНЫХ СЛЕДОВ ОБУВИ ПРИ НИЗКИХ ТЕМПЕРАТУРАХ.....	22
В.Е. Понаморенко, А.А. Шмарко, Ю.В. Турченкова О ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ДОГОВОРА О СОЗДАНИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА.....	24
В.Э. Фокина ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ВНУТРЕННЕЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ.....	27

Научное издание

РОЛЬ ПРАВОВОЙ НАУКИ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

**Сборник статей
Международной научно-практической конференции
30 июня 2014 г.**

В авторской редакции

Подписано в печать 02.07.2014 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л.3,25 Тираж 500 Заказ № 52

Издательство "Аэтерна"
450076, г. Уфа, ул. Гафури 27/2
e-mail: info@aeterna-ufa.ru